

ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН: ПАНАЦЕЯ ИЛИ ПОГИБЕЛЬ?

Олег Смолин,
первый заместитель
председателя
Комитета
по образованию
и науке
Государственной
Думы четвёртого
созыва, доктор
философских наук

В дискуссиях вокруг введения Единого госэкзамена его оценки колеблются в диапазоне от «ключевого направления модернизации образования» до «безобразия из трёх букв», а его сторонники и противники, пожалуй, больше стремятся обвинить оппонентов во всех смертных грехах, чем убедить в своей правоте. В такой ситуации особенно важно оценить последствия предлагаемого нововведения, положив на «чашу весов» его плюсы и минусы.

Основные аргументы сторонников ЕГЭ, к числу которых принадлежит не только Министерство образования, но, судя по недавнему телемосту с гражданами, и Президент России, коротко можно суммировать следующим образом:

- 1. *Международный опыт:*** практика единого экзамена апробирована в большинстве индустриально развитых стран мира.
- 2. *Ликвидация психологических перегрузок:*** система ЕГЭ позволит выпускнику сдавать не две, но только одну серию экзаменов, что поможет ему сохранить здоровье.
- 3. *Академическая мобильность в территориальном и социальном плане:*** успешно сдав ЕГЭ, выпускник любой школы из любого уголка страны и любой семьи получает возможность поступить в престижный столичный вуз.
- 4. *Избавление от коррупции:*** вузовские преподаватели — члены приёмных комиссий — перестанут брать взятки, поскольку будут ликвидированы сами эти комиссии.
- 5. *Объективная оценка качества работы школ и уровня подготовки выпускников:*** по результатам ЕГЭ легко определить не только наиболее достойных занять бюджетные места на студенческой скамье, но также оценить результаты работы каждой школы и сравнить их между собой.

Напротив, противники ЕГЭ либо эксперты, занимающие по отношению к нему осторожную позицию (к числу последних принадлежит и автор), указывают, с одной стороны, на относительность достоинств новой системы, а с другой — на её слабые стороны и вновь порождаемые проблемы. Действительно, в отечественных публикациях плюсы ЕГЭ явно преувеличиваются.

Во-первых, несмотря на широкое использование в мировой практике, подобный опыт нельзя считать универсальным. Так, во многих странах — от США до Южной Кореи — существует мощное общественное движение против ЕГЭ, а в Испании недавно принято решение от него отказаться.

Во-вторых, по мнению ряда зарубежных экспертов, система ЕГЭ не только не снижает психологические нагрузки, но, напротив, их увеличивает. Например, южнокорейская пресса регулярно публикует сообщения о выпускниках-неудачниках, попадающих в больницу в результате нервного стресса, и даже о случаях самоубийств на этой почве. Юные граждане хорошо понимают, что для будущей профессиональной карьеры и траектории жизненного пути в целом цена неудачи может оказаться слишком высокой.

В-третьих, расширение пределов академической мобильности оказывается весьма ограниченным: как показал широкомасштабный эксперимент, она высока в территориальном плане, поскольку детям из провинциальных семей с высокими доходами столичные вузы оказываются доступнее, однако не в плане социальном, так как при низких доходах семьи способные дети из «глубинки» всё равно не едут учиться в престижных вузах из-за высоких транспортных расходов и гигантской разницы стоимости жизни между столицей и остальной частью России.

В-четвёртых, антикоррупционные последствия ЕГЭ не очевидны. По мнению экспертов Российского союза ректоров, псевдорепетиторские фирмы в Москве ожидают введения новой системы, не без оснований полагая, что с крупными территориальными комиссиями наладить отношения будет много проще, чем с многочисленными приёмными комиссиями вузов. Кодирование и анонимность работ, выполненных в рамках ЕГЭ,

не решает всех проблем, ибо член независимой комиссии в состоянии оказать выпускнику необходимую помощь в процессе работы, а лица, осуществляющие компьютерную обработку результатов, — исправить допущенные выпускником ошибки. При этом коррупция меняет формы и механизмы, но отнюдь не исчезает вовсе: в одной отдельно взятой области общественной жизни полностью победить коррупцию невозможно.

В-пятых, объективность оценки работы образовательных учреждений и уровня подготовки их выпускников зависит, с одной стороны, от качества измерителей (о чём ниже), а с другой — от положения измеряющих. Закон РФ «Об образовании» требует создания государственной аттестационной службы (ГАС), независимой от органов управления образованием, причём никак не связывает независимость ГАС с формой проведения аттестации (в данном случае — с ЕГЭ). Однако это положение закона не исполняется уже почти 12 лет, а в ходе апробации ЕГЭ трактуется весьма своеобразно: апробируют именно органы управления образованием, а учителя школ, которые готовили аттестуемых выпускников, от этой процедуры отстранены. Между прочим, даже в вузах государственные аттестационные комиссии включают действующих преподавателей, а председателями комиссий становятся обычно профессора других высших образовательных учреждений.

Следует также иметь в виду, что объективность оценки качества образования — не только вопрос организации, но и проблема культуры. Первые же результаты эксперимента показали, что в ряде национальных республик после введения ЕГЭ оценки выпускников резко пошли вверх по сравнению с общероссийскими. Причины очевидны: либо руководители образования в регионах хотят обеспечить своим выпускникам обещанные места в престижных вузах, либо подтверждается приведённое выше высказывание министра образования относительно коррупции, либо то и другое.

Среди новых проблем, которые порождает или способно породить введение ЕГЭ, отметим следующие.

1. Рост неравенства прав в области образования. Согласно оценкам экспертов Организации экономического сотрудничества и развития, в России это неравенство давно превзошло допустимые пределы, причём главной причиной этого становится чрезвычайно высокий уровень социального неравенства в стране, далеко превосходящий аналогичные показатели не только Западной Европы, Японии, США, но также новых индустриальных стран.

Действующие федеральные законы в области образования содержат нормы, призванные хотя бы отчасти заблокировать перенос социального неравенства в область образовательной политики с помощью так называемой позитивной дискриминации: устанавливается возможность целевого приёма в профессиональные учебные заведения, в частности детей из сельской местности, а также льготные условия приёма для детей-сирот, детей-инвалидов, инвалидов I и II групп, инвалидов и участников боевых действий и некоторых других категорий граждан. Публичные обещания руководителей эксперимента по ЕГЭ сохранить эти «привилегии во имя равенства» до настоящего времени не подкреплены документально, а их ликвидация, несомненно, приведёт к дальнейшему росту неравенства в области образования.

Вообще механическое и частичное перенесение опыта «цивилизованного» Запада в современную Россию может давать весьма неожиданный результат. Одно дело — социальная стратификация, где «средний класс» составляет около 60% населения, и совсем другое — варварское расслоение периода первоначального капитализма, где, даже по оценкам заместителя министра экономического развития А. Дворковича, к бедным относятся около четверти населения, но в «адресной» социальной помощи нуждается каждый второй! В последнем случае применение формально равных принципов (например, ЕГЭ) к людям, находящимся в абсолютно неравном

В вузах государственные аттестационные комиссии включают действующих преподавателей, а председателями комиссий становятся обычно профессора других высших образовательных учреждений.

положении, способно лишь консервировать и усиливать неравенство, тогда как для его ограничения принципы должны быть различными.

2. Разрушение или резкое снижение эффективности системы профессиональной ориентации абитуриентов. Такая система существует, например, во многих железнодорожных вузах, обеспечивая намного более высокий, чем у остальных, процент выпускников, работающих по специальности. Поскольку введение ЕГЭ едва ли совместимо с сохранением такой системы, ряд руководителей железнодорожных вузов в письмах, адресованных автору, высказывается решительно против.

3. Неадекватные или некачественные измерители. В рамках ЕГЭ на эту роль предлагается преимущественно система тестов. Между тем существующие их наборы не удовлетворяют большинство учёных и практиков, в том числе нередко даже по дисциплинам естественно-математического цикла. По мнению многих экспертов, в области иностранных языков существующие тесты выявляют лишь знание грамматики и в меньшей степени — словарный запас, но абсолютно не позволяют оценить произношение, чувство языка и другие параметры, легко определяемые на устном экзамене. Тесты же по истории и другим гуманитарным дисциплинам в лучшем случае позволяют выявить уровень эрудиции, но отнюдь не творческие способности. Существует серьёзная угроза того, что новая система будет отбирать гуманитариев, у которых тезаурус решительно преобладает над мышлением. Однако это не соответствует потребностям перехода к информационному обществу, где главным ресурсом должен стать именно работник-новатор.

4. Фактическая ликвидация права исправить ошибку. Стремясь уменьшить роль одной группы случайных факторов, способных повлиять на результаты экзамена (субъективизм учителей, взятки и т.п.), система ЕГЭ обратным своим эффектом имеет, между прочим, увеличение роли другой группы случайных факторов.

Известно, что любой экзамен — своего рода лотерея, где результат всегда зависит не только от уровня подготовки экзаменуемого, но в известных пределах и от случая (характера выпавшего вопроса, темы сочинения и т.п.). При существующей системе воздействие случайностей уменьшается двояким образом: с одной стороны, тем, что педагоги хорошо знают своих выпускников и выставляют экзаменационную оценку с учётом уровня их знаний и работы в течение длительного времени; с другой стороны, современные выпускники нередко сдают экзамены сразу в несколько профессиональных учебных заведений, получая таким образом возможность уменьшить влияние неблагоприятных случайных факторов на вступительных испытаниях. Отстраняя школу от проведения ЕГЭ и позволяя пересдать его лишь через год на платной основе, новая система резко повышает цену ошибки и роль случайных факторов, а вместе с тем, как уже упоминалось, и психологические нагрузки выпускников.

5. Угроза сокращения бюджетных (бесплатных для гражданина) учебных мест. Даже без учёта предполагаемой связи ЕГЭ и государственного именованного финансового обязательства (ГИФО) единый экзамен способен привести к сокращению числа бюджетных мест в вузах, как это произошло в Казахстане, например, в следующей ситуации: количество баллов, которое необходимо набрать на ЕГЭ для поступления в вуз, устанавливается заранее; выпускников, получивших установленный балл, оказывается меньше, чем число бесплатных учебных мест в предыдущем учебном году; федеральный орган исполнительной власти, устанавливающий задания по приёму, соглашается с целесообразностью увеличить платный приём за счёт бесплатного. Для того чтобы с этим легче согласились руководители государственных вузов, объединённые Союзом ректоров, им может быть предложен прежний объём финансирования при меньшем контингенте обучающихся и тем самым увеличены финансовые нормативы в расчёте на одного студента.

Отстраняя школу от проведения ЕГЭ и позволяя пересдать его лишь через год на платной основе, новая система резко повышает цену ошибки и роль случайных факторов, а вместе с тем, как уже упоминалось, и психологические нагрузки выпускников.

Идея проведения широкомасштабного эксперимента по введению ЕГЭ в принципе верна, однако, для того чтобы итоги эксперимента были верно интерпретированы, необходимо обеспечить его чистоту, в частности, выполнить два элементарных требования.

В условиях, когда, по оценкам Минобрнауки России, платить за обучение в вузах способно не более четверти населения страны, это ограничит доступ к образованию, а следовательно, и возможности движения страны в направлении к информационному обществу.

Подводя итоги сказанному, заметим: Единый национальный (государственный) экзамен — это, конечно, не панацея для образования, но и не его погибель. Это один из современных обоюдоострых методов управления образованием, который может быть использован как на пользу, так и во вред в зависимости от финансовых, материально-технических, организационно-методических и других условий его реализации. Поэтому идея проведения широкомасштабного эксперимента по введению ЕГЭ в принципе верна, однако, для того чтобы итоги эксперимента были верно интерпретированы, необходимо обеспечить его чистоту, в частности, выполнить два элементарных требования.

Во-первых, отказаться от материального стимулирования участников. Вряд ли можно представить себе ситуацию, когда две группы физиков, проводящие один и тот же эксперимент, поставлены в разные условия: тот, кто получает желаемый результат, стимулируется материально и получает в подарок специальное оборудование; тот же, чей результат оказывается отрицательным, остаётся «при своих интересах». Очевидно, что в науке результат подобного «эксперимента» был бы немедленно поставлен под сомнение. Однако именно такие правила установлены в образовательной политике: участвуешь в эксперименте — получаешь дополнительную поддержку; не участвуешь — не получаешь ничего.

Во-вторых, результаты эксперимента должны оценивать не те, кто его проводит. Было бы целесообразно поручить это межведомственной комиссии с участием Минобрнауки, Минздрава (в связи с про-

блемой перегрузок), Минкультуры, имеющему в ведении творческие вузы, Российской Академии образования, Российской Академии наук, парламентским комитетам, Российскому Союзу ректоров, профсоюзу работников образования и науки (поскольку вопрос затрагивает социальные интересы учителей), Ассоциации негосударственных профессиональных учебных заведений. Ситуация, когда заказчик, «подрядчик» и «оценщик» эксперимента объединены в одном лице, вряд ли способна обеспечить объективность подведения его итогов.

Социологические исследования показывают, что идея введения ЕГЭ пользуется у населения значительно большей популярностью, чем идея 12-летнего школьного образования, хотя опыт личного общения с учителями не всегда подтверждает данные социологов. Тем не менее предварительным условием принятия окончательного решения должно быть построение убедительной модели решения обозначенных выше и целого ряда других проблем.

Заслуживают внимания прорабатываемые в Союзе ректоров предложения сделать ЕГЭ не единственным, но одним из условий приёма в вузы. Уверен: окончательное решение должно приниматься на уровне закона. Закон, каковы бы ни были его недостатки, — это наиболее демократическая форма нормативного правового акта. Он обсуждается в обеих палатах Парламента, должен получить положительное заключение Правительства и Президента. Это форма, которая в максимальной степени учитывает различные интересы.

Хорошо понимаю: современная система выпускных и вступительных экзаменов несовершенна. Однако, для того чтобы не произошла замена одной несовершенной системы другой, быть может, ещё менее совершенной, необходимо проводить эксперимент по всем правилам и обеспечить его действительную чистоту. **НО**